

В БЕРЛИНСКОМ КАБАРЕ

БЕРЛИН по вечерам напоминает застывшую вспышку бенгальского огня. При взгляде сверху, например, с телебашни на Александерплац, вид столицы предстает именно таким: от празднично блестящего центра разбежались во все стороны сверкающие пунктиры старинных узеньких улиц с мерцающими озерцами света на мостовых от уличных фонарей.

Вечерами здесь тихо. Магазины погасили яркие глаза витрин, и лишь отсвет ночных ламп позволяет рассмотреть товары за их стеклами. В окнах молчаливых домов прыгает голубой отсвет телевизоров, за разноцветными занавесками завершается день берлинцев. Изредка слышны шаги прохожего или голоса небольшой веселой компании.

По сравнению с этими тихими улочками центральная Фридрихштрассе — другой мир. Здесь пиршество неона, блеск нарядных витрин, мигание ламп вывесок и реклам. На Фридрихштрассе расположены известные театры, рестораны, гостиницы, торговые центры, представительства иностранных фирм. Толпа здесь не редает, и вечерами, наоборот, кажется, что чем позже, тем тут людней.

Когда в один из вечеров мне предложили сходить в кабаре «Дистель», я поначалу отказался. Сказал, что время дорогое, что это не мой, так сказать, вид искусства, да и вообще, искусство ли это? Лучше бы я не произносил этих слов. Потому что поперхнулся, поймав на себе участливый взгляд. Что ты, сказали мне после долгой паузы, попасть в «Дистель» — это все равно, что на лотерейный билет машину выиграть... Многие об этом всю жизнь мечтают.

В кабаре собралась разная публика. Фойе заполняли дамы в вечерних платьях, заядлые театралы, с их одинаковыми во всех странах манерами, солидные мужчины, военные в парадной форме, молодые девчата с модными прическами, студенты в сви-

терах и джинсах — в общем, все слои населения. Много было гостей из Западного Берлина, ФРГ, других стран.

Наконец свет в зале погас, и на сцену вышли... отнюдь не минимально одетые девушки в страусиных перьях, как полагалось, по моему мнению, в классическом кабаре. Перед нами появились трое нормально одетых молодых парней, которые тут же начали перебрасываться фразами, мгновенно уложившими смеющийся зал на спинки кресел. Речь шла об очень знакомых, прямо-таки родных вещах — об учреждении, работники которого лучше знают ассортимент ближайших магазинов и имена окрестных парикмахеров, нежели содержимое бумаг на своем столе. О руководителе, у которого предприятие уже три года работает хорошо — осталось только начать выпускать продукцию. Затем артисты исполнили пару куплетов на тему о том, что красивые речи все еще ценятся куда больше, чем скромные, но очень нужные дела.

Тут я понял, что мое представление о кабаре, мягко говоря, являлось неполным. Здешнее совсем не было похоже на ресторанное шоу. Программа, которую показывали артисты берлинского кабаре, состояла из легкой, остроумной импровизации, с небольшими сценками, взятыми из жизни, с не совсем стройно спетыми песенками, с условным антуражем театра миниатюр. Однако долгий и прочный успех «Дистель» свидетельствует о том, что импровизация на сцене кажущаяся, что за легкостью и расхожанностью артистов — большой труд. Причем не только репетиции, но и поиск актуальнейших тем для диалогов, анализ зрительских запросов и требований. То есть стремление достичь самого полного сопереживания, поддержки зрителей, их глубокого соучастия в представлении.

«Дистель» в ГДР называют политическим кабаре, видимо, для того, чтобы подчеркнуть специфический ха-

рактер его сатиры. В центре внимания театра — проблемы жизни в республике и «узкие места» быта, производственная трудовая мораль, отношения между людьми, человеческие недостатки и слабости. Это в общем. А в частности — перед десятками зрителей каждый вечер проходят бюрократы, хамы, врачи. Высмеиваются глупость, парадность, разгильдяйство. Атакуются дефициты: «снижение снабжения»; чиновничья игра «замри» по правилу — «кто двинется вперед, тот проигрывает»; подмена дел словами: «Закроем окно и представим, что едем».

«Мы хотим смеяться и высмеивать, — резюмировал руководитель театра Отто Штарк, — но при этом всегда побуждать к размышлению».

«Дистель» — одно из самых известных, но не единственное кабаре в ГДР. В Дрездене существует «Геркулейскойле». В Лейпциге, при самом центре культуры и науки, их даже два: «Пфеффермуле» и «Академиксер». Вся эта «большая четверка» была отмечена в числе лучших театральных коллективов на первом национальном фестивале театров ГДР, прошедшем в Берлине. Но, кроме этих известных коллективов, в стране существуют еще двенадцать профессиональных и около 600 любительских групп «кабаретистов».

Описать представление «Дистель» — занятие неблагодарное. Даже если просто изложить все диалоги, то не удастся передать тонкости словесной игры, выражений лиц артистов, блистательной лепки образов. Спектакль, который идет в кабаре, — это набор очень веселых, порой острейших анекдотов и диалогов, в которых юмористический или сатирический эффект достигается часто за счет игры слов, соединения несоединимых понятий.

Известный в ГДР автор текстов для кабаре Петер Унзкат говорит в этой связи: «Я пытаюсь называть все своими именами. Назвать

не значит упразднить, но это создает основную предпосылку для преодоления недостатков. Недаром говорят: сатирик — это «обиженный идеалист». Долг художника — напоминать об утопиях. Вот я и измеряю расстояние между идеалом и действительностью».

Секрет успеха кабаре, по мнению еще одного писателя-сатирика из ГДР Руди Штраля, в том, что здесь «говорят то, чего нет — или нет в таком виде — в газетках». Не потому ли кое-кто встречает выступления кабареистов без восторга. Чаще всего это люди, искренне озабоченные тем, что сатира, направленная против недостатков в деле строительства социализма, одновременно задевает и сам социализм. Несмотря на всю бессмысленность такого представления, оно поразительно живуче.

Те, кто работает в «Дистеле», давно доказали свое право врачевать раны от пороков. И не только высоким авторским и исполнительским мастерством, но и своей биографией. Например, директор кабаре Отто Штарк начал свою артистическую деятельность еще в годы фашизма. Единственный из всей семьи, он смог спастись из Австрии, аннексированной гитлеровской Германией. В Англии, куда ему удалось уехать, он работал кельнером, пекарем, поденщиком. А когда выдавался свободный вечер, выходил еще и на сцену, чтобы играть и петь в театре, основанном австрийскими эмигрантами. Их программы имели четкую антифашистскую направленность. Именно здесь, по словам Отто, окончательно сформировались его убеждения. Директор кабаре — автор скетчей и режиссер, отметивший недавно свое 65-летие.

...Представление закончилось поздно. Когда зрители шли к гардеробу, я слышал, многие обменивались впечатлениями. Спектакль еще жил в их улыбках, в их словах, в их мыслях.

А. ЦЫГАНОВ.
БЕРЛИН — МОСКВА.